

И здесь требовалось такое мужество, выдержка, терпение, каких человек и не подозревал в себе.

Саланг... Не ошибиться бы: существует ли где-либо в мире автомобильный перевал, лежащий выше этого, выше 3300 метров? Дорога – извилистый и крутой серпантин: левым бортом царапаешь отвесные скалы, прижимаясь к ним, желая слиться с надежным камнем, потому что правый борт чуть ли не висит над бездонной пропастью. Тысячи машин полируют бетонное полотно до блеска, а когда образуется гололед – лучше не выезжай на трассу. Но выезжать надо. И необходимость эту диктовала порой не столько военная обстановка, сколько долг водителя, точнее – понимание этого долга перед теми, кто ждет на том конце дороги продукты, горячее, а то и просто кирпич, цемент, сантехнические трубы. Двое суток – подъем на низкой скорости, под надрывный гул двигателя, готового вот-вот задохнуться из-за разреженного воздуха. Спуск еще опасней, хотя он и поровней: не дай бог откажут тормоза или просто «понесет» – либо врежешься в поворотную скалу, либо пнешь впереди идущий грузовик, либо слетишь в пропасть.

Это не нагнетание страхов. Это простое объяснение, почему на машинах рисовали звездочки за рейсы, трудные в мирных условиях, и невероятные – под обстрелом.

Хайратон–Саланг–Кабул... В чемоданах наших ребят бережно хранились вымпелы – «За сорок рейсов», еще один – «За шестьдесят

рейсов». Последних было слишком мало, потому что редко кто из водителей накручивал шоферский стаж в два года.

Да, все они – солдаты Саланга, несмотря на то, что большинство было занято на перевозке мирных грузов. Солдаты, потому что душманы не оставляли дорогу в покое, стремились вывести ее из строя: минировали, обстреливали с гор машины, отбивали оставшиеся. Пулеметная очередь, засада ожидали за каждым поворотом, за каждым выступом. А простора для маневра нет – и шофер должен быть в постоянном напряжении, в неусыпной готовности дать отпор, сориентироваться, доставить по назначению груз, а главное – постоять за себя, выйти из переплета живым. Защитник и надежда – автомат в кабине и мотор под капотом.

Мамы-мамочки, если б вы знали, как часто ваши дети в часы смертельной опасности обращались к вам, просили вашего прощения и благословения, шептали спекшимися губами последние слова, адресованные вам. И эти человеческие молитвы нередко спасали от казалось бы неминуемой гибели, а бывало уже не доходили ни до адресата, ни до Бога...

«Русская земля!
Родимая земля!
Дай мне силы встать...
Обними меня листвою,
Исцели меня травой.
Дай мне жизнь одну.
Дай мне смерть одну.
Дай мне тишину...»